

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Реальный виртуальный мир: революция или естественное обновление? (Материалы международного круглого стола, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 28.10.2022)

The Real Virtual World: Revolution or Natural Renewal? (Materials of the International Round Table, State IRYA Named After A.S. Pushkin, 28.10.2022)

DOI: 10.12737/2587-9103-2022-12-1-130-140

Получено: 02 декабря 2022 г. / Одобрено: 22 декабря 2022 г. / Опубликовано: 26 февраля 2023 г.

Г.Г. Слышкин

Д-р филол. наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, главный научный сотрудник Национального НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко, ORCID: 0000-0001-8121-0250, e-mail: ggsl@yandex.ru

G.G. Slyshkin

Doctor of Philology, Professor, Head of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact» of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chief Researcher of N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, e-mail: ggsl@yandex.ru

М.С. Милованова

Доктор филол. наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6, e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute

M.S. Milovanova

Doctor of Philology, Professor, Pushkin State Russian Language Institute, 6, Ak. Volgin str., Moscow, 117485, Russia, e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute

Л.Е. Малыгина

доктор филологических наук, профессор Высшей школы (факультета) телевидения МГУ имени М.В.Ломоносова; заведующая кафедрой медиаобеспечения государственных интересов и национальной безопасности Института права и национальной безопасности РАНХиГС, e-mail: admlikbez@mail.ru

L.E. Malygina

Doctor of Philology, Professor of Higher School (Faculty) of Television, MSU; Head of the Department of Media Coverage of State Interests and National Security, Institute of Law and National Security, RANEPa e-mail: admlikbez@mail.ru

Аннотация

Вторая Международная научная конференция «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности», посвященная осмыслению современной российской действительности с позиций лингвоаксиологии, завершилась заседанием круглого стола, в ходе которого участники обменялись взглядами на проблему: ценности нового – виртуального – мира в их взаимодействии с ценностями жизни, предшествующей интернет-эпохе. В статье тезисно изложены точки зрения лингвистов, известных исследователей в области языка и современной коммуникации.

Ключевые слова: язык и коммуникация, Интернет, электронная коммуникация, аксиосфера, ценности и оценки, аксиологические доминанты.

Abstract

The Second International Scientific Conference «Modern Russian Axiosphere: semantics and Pragmatics of Identity», dedicated to understanding modern Russian reality from the standpoint of linguoaxiology, ended with a Round table meeting during which participants exchanged views on the problem: the values of the new – virtual – world in their interaction with the values of life preceding the Internet era. The article summarizes the points of view of linguists, well-known researchers in the field of language and modern communication.

Keywords: language and communication, Internet, electronic communication, axiosphere, values and assessments.

Введение

Вторая Международная научная конференция «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности», посвященная осмыслению современной российской действительности с позиций лингвоаксиологии, завершилась заседани-

ем круглого стола на тему «*Реальный виртуальный мир: революция или естественное обновление?*»

Г.Г. Слышкин: Начало нашего круглого стола знаменует тот момент, что, с одной стороны, виртуальное общение дало нам очень много с точки зрения сближения технических возможностей, уча-

ствия тех, кто находится от нас далеко. С другой стороны, мы с вами понимаем, что техника несовершенна и что в ситуации виртуального общения перед нами встают новые задачи, новые проблемы, новые коммуникативные барьеры. Коммуникативные барьеры — это, на самом деле, прекрасно, потому что их наличие повышает востребованность в специалистах по их преодолению, в том числе лингвистов. Давайте поговорим, что хорошего и что плохого нам дает виртуальная коммуникация. Сейчас мы уже можем говорить об этом абсолютно обоснованно, потому что это не нечто новое. Еще каких-нибудь 30 лет тому назад мы писали о новом языке, языке Интернета. Теперь мы смело можем сказать, что электронная коммуникация стала прототипической коммуникацией, которая определяет всю остальную. То есть это не Интернет строит новые средства общения, это традиционная коммуникация — и устная, и письменная — заимствует из электронной сферы грамматику, стиль общения, новую лексику и так далее. Так чем же хороша и чем плоха эта новая коммуникация, этот «дивный новый мир»?

Дискуссия и результаты

В.И. Карасик: Возможно, то, что я сейчас предложу в качестве плюсов и минусов нашего нового мира, в котором мы оказались, виртуального мира, вызовет возражения, здесь я не претендую на полноту. Итак, что мы можем сказать.

Достоинства виртуального мира. Первое — это умножение реальности: реальность, с которой мы сталкиваемся, умножается как минимум вдвое, и в таком случае мы становимся богаче. Теперь нам нужно для себя определить, чем отличается виртуальная реальность от потенциального существования. Очень часто люди это путают и отождествляют как практически единое. Здесь нужно сразу же сказать, что потенциальное — это то, чего нет в актуальном, то, что может быть, было или было бы. В языке, кстати, это совершенно четко отражено. Вопрос к нам, лингвистам, такой: есть ли сослагательность, которая связана с потенциальным миром, всякими контрфактическими вещами, есть ли языковое обозначение виртуального? А что такое виртуальное в таком противопоставлении? Виртуальное — это кажущееся. Это то, что воздействует на наши органы чувств, как будто бы это было реально здесь и сейчас. И в отличие от потенциального, фактор времени тут абсолютно не важен. Мы обогащаемся, получая какую-то информацию здесь и сейчас. По всем нашим — пока что по двум — органам чувств — это зрение и слух, но в перспективе все пять будут работать — это обогащение.

Второе — это тиражирование. Таким образом виртуальный мир даёт нам доступ к тому, что Вернадский называл «ноосфера». Легкий выход в ноосферу. Пожалуйста, каждый из нас может сейчас быстро выйти в любую библиотеку, в любой музей или связаться с кем-то. На мой взгляд, это бесспорный плюс такого общения.

И третий плюс — сложный, но тем не менее — это новая этика отношений. Мы понимаем, что в виртуальном общении действуют иные, несколько измененные нормы взаимодействия, есть свои запреты, есть свои предписания, которые в ряде случаев заставляют людей вести себя более ответственно, более осознанно. Так или иначе возрастание степени ответственности у ряда пользователей Интернета — это плюс.

Минусы. Первый минус вытекает из первого плюса: новая реальность оказывается агрессивной, она начинает вытеснять прежнюю реальность. Отсюда и изменения в нашем общении, и в общем-то доведенный до предела момент аутизма. В какой-то мере виртуальное общение толкает людей на специфический аутизм, в том плане что общение есть, но это не совсем общение с людьми — это общение с воображаемыми сущностями.

Второй минус: нет гарантии того, что этот выход в огромный мир возможностей надежен. Какая угодно техническая поломка или сбой в работе сети — есть предел с точки зрения технических возможностей.

А третье — новая этика, в рамках которой появляются какие-то другие вещи, гораздо более опасные и сложные, гораздо более опасные сферы воздействия, или, как Павел Алексеевич Катышев четко подмечает, разные виды вовлечения / вовлеченности в интернет-среду. А там — особенно для подрастающего поколения — могут быть определенные риски. Ответственность — да, но и риски — тоже да. Я вижу три таких плюса и три минуса. Повторю, я не настаиваю на том, что я перечислил всё.

Г.Г. Слышкин: Владимир Ильич задал нам схему анализа. Давайте посмотрим, каким образом это новое — и при этом старое — отражается на основных социальных институтах. В определенный момент у нас была иллюзия того, что этот «дивный новый мир» будет миром свободы, свободы самовыражения, коммуникации без границ. Но прошло время, и оказалось, что все не так гладко, особенно в политическом плане. Что же можно сказать об изменениях границ нашей свободы, связанных с воцарением этой новой сферы, новой модели общения?

К.В. Киуру: Если мы говорим о свободе личной, то вся виртуализация нашей реальности приводит к очень серьезной проблеме. Это видеотизация нашей повседневной жизни. Это та проблема, которая уже

очень эффективно разрабатывается в научном плане. Что такое видеотизация повседневной жизни? Мы сознательно выкладываем в социальные сети все, что происходит с нами. Вчера я выступил на конференции, тут же написал пост о том, с какой темой я выступил, опубликовал фотографии, и в ответ люди уже начинают комментировать, шерить и так далее, и так далее, и так далее. И ладно — я пишу про конференцию, но другие пишут совсем про другое. Так любая часть нашей повседневной жизни, нашей частной жизни, наших социальных отношений, наших близких отношений становится частью виртуального мира. Люди могут за этим следить, кто-то — просто следить, а кто-то может в ответ предпринимать какие-то действия. Это могут быть какие-то реакции, это может быть и хейт, это может быть и буллинг, это может быть и stalking, и многие другие, не совсем приятные для человека, транслирующего свою жизнь, вещи. Таким образом, мы говорим *об отсутствии границ*: мы открываем свой мир для всеобщего доступа, и в результате мы ни от кого не защищены — любой может нарушить наши границы.

Г.Г. Слышкин: И даже если не открываем...

К.В. Киуру: Да, мы все равно не защищены от этого. В этом мне видится очень большая проблема, очень серьезная проблема для исследования. Как эти границы человек сам выставляет вокруг своей частной жизни? Как эти границы нарушаются? По каким технологиям нарушаются? И как противодействовать этому нарушению?

Г.Г. Слышкин: Вопросы очень правильные. А есть ли на них какие-то ответы, учитывая то, что мы находимся в рамках образовательного дискурса? Чему мы должны учить своих студентов в этом плане?

Попрошу ответить Лидию Евгеньевну Малыгину — автора одной из первых отечественных диссертаций, посвященных языку и общению цифровой молодежи.

Л.Е. Малыгина: Мне кажется, здесь мы тоже имеем дело с определенной модой. Эта мода на видеотизацию повседневной жизни, может быть, в скором времени пройдет, потому что мода требует постоянного обновления — как это связано с одеждой. Реалии современной жизни таковы, что мужчины уже больше не публикуют геолокацию, особенно молодые мужчины, в том числе студенты, не публикуют, где они находятся, для того чтобы не пострадать. И это постоянное обновление, свойственное моде, касается в том числе и видеотизации повседневной жизни. То есть если сначала нужно было постить фотографии в социальных сетях, отмечать других людей и геолокацию, то сейчас наоборот — интрига, противоположный тренд, да: я не отмечаю, с кем я на фотографии, где я нахожусь, мои перемещения. Такое

молчание в медиaprостранстве, в пространстве соцсетей тоже, — это определенный, очень значимый коммуникативный акт. Молчание, исчезновение из соцсетей и *цифровой детокс*, когда мы должны ничего не постить, отдыхать и набираться *цифровой загадочности*.

И.В. Смирнова: Когда мы не только не видим и не слышим, с кем мы разговариваем по сети, будь то телефон или Интернет, когда мы общаемся в социальных сетях, на другой стороне может быть кто угодно. Сейчас вы меня не видите, я не со всеми знакома, соответственно, не знаю, как вы меня себе представляете. *А вот, вот она я.* Я включила камеру, и в данном случае мошенничества нет, это действительно я. Мы рассматриваем мошенничество как языковую категорию, правоведы его рассматривают с точки зрения права. И с таких точек зрения эти категории абсолютно не совпадают. То, что мы понимаем в бытовом плане под мошенничеством, правоведы рассматривают как вымогательство, как кражу, как непосредственно мошенничество по статье 159 Уголовного кодекса. Для нас же ведущей характеристикой будет обман и воздействие на коммуниканта при его помощи. Самой важной частью этого обмана является идентификация. Вы меня видите и примерно представляете себе, кто я, а человек может общаться с кем-то, кто представляется, скажем, покупателем на интернет-аукционе. Самый частый способ, который я в моем исследовании обнаружила, это граждане, представляющиеся сотрудниками правоохранительных органов, либо сотрудниками банковской системы в той или иной ипостаси. Проверить в момент коммуникации эту информацию довольно сложно, потому что рамки и временной промежуток очень ограничены, а с другой стороны, это опять же может быть кто угодно. Человек, представляющийся сотрудником правоохранительных органов, либо сотрудником какой-то банковской системы, использует определенные методы воздействия — воздействия при помощи эмоций, как мы описываем это в нашем исследовании. Схемы и сценарии примерно одинаковые, поэтому нам удалось выделить три группы эмоций, которые использует мошенник при воздействии на свою потенциальную жертву. Он воздействует при помощи страха: напугать человека довольно легко, успокоить сложно. Также это может быть радость и другие положительные эмоции. Третья группа — это воздействие при помощи каких-то рутинных характеристик, когда эмоции, напротив, пытаются не использовать, не выделять их каким-то образом.

При воздействии через страх самое главное — как хорошо напугать человека. Это возможно сделать, например, в неурочное время. «Товарищи майоры» звонят своей потенциальной жертве ночью, днем,

т.е. в то время, когда деловая активность отсутствует. Человек не знает, что делать, старается как-то быстро избавиться от этой ситуации и чаще всего перечисляет деньги тем, кто ему звонит. Мы выделяем следующие тактики воздействия через страх. Во-первых, это может быть воздействие через сообщение о том, что вас пытаются обокрасть (сейчас вы буквально лишитесь денег), во-вторых, когда кто-то из ваших родственников «попал в беду». Здесь может быть очень интересный компонент с использованием интонаций: нашему «товарищу» нужно очень постараться, чтобы подстроиться так, чтобы поверили, что *мама, я сбил человека, но сейчас товарищ майор нас выручит*. Как я уже сказала, воздействие через деньги, воздействие через страх за какого-то близкого родственника и третья группа — это воздействие через страх за свою репутацию: люди все-таки еще чего-то боятся, несмотря на то что Интернет предоставляет полную свободу выкладывать там свои фотографии или какие-то данные о себе. Это те три группы, которые нам удалось выделить именно в этой стратегии.

Г.Г. Слышкин: Итак, страх за близкого, страх утраты денег, страх утраты репутации. Области вечные. Немножко раскрою карты. В своих исследованиях Ирина Валерьевна обратила внимание на то, что, когда мошенник действует от лица квазипредставителя финансовых институтов, он употребляет какие-то термины, которые мы (опять же первоначально) определили как квазитермины, плюс названия каких-то организаций, которые не существуют. А потом провели более подробный анализ, и Ирина Валерьевна выяснила, что и термины существуют, и организации существуют, только они не российские, они украинские. Сразу становится понятно, что мошенничество с использованием электронных средств — это уже надгосударственное образование. И тот враг, как сказал Константин Валерьевич, тот самый враг, с которым может столкнуться простой интернет-пользователь или пользователь мобильной сети — мало того, что это уже не индивид, это государственная машина, но это может быть еще и чужая государственная машина, и это абсолютно непредсказуемо. Но тем не менее в интернет-коммуникации есть, наверное, и какие-то светлые стороны, в том числе связанные с образованием. Для того чтобы вывести нас из этого мрачного направления, мы попросим Светлану Валентиновну рассказать, что же хорошего нам дал Интернет и виртуальная коммуникация в плане образования, тем более что Институт русского языка имени А.С. Пушкина был именно той образовательной организацией, которая столкнулась с тем, что в период локдауна целый ряд студентов оказался очень и очень далеко, однако образовательный процесс успешно шел, как свидетельствуют

результаты выпускных квалификационных экзаменов и тот факт, что защиты выпускных квалификационных работ шли на высоком уровне. Итак, что же хорошего?

С.В. Ионов: Как руководитель образовательной программы и как сотрудник института я абсолютно согласна с Геннадием Геннадьевичем. Кроме того, охват через Интернет, охват аудитории, которая обучается на нашем портале «Образование на русском», беспрецедентный. Вот это первое достоинство цифровизации, потому что такого массового способа воздействия на аудиторию, такого масштаба нашего воздействия раньше не было. Это огромный плюс. Сегодня мы сидим здесь, а там наши аспиранты, которые находятся в разных странах. С другой стороны, тот же масштаб — это не всегда плюс. Только сейчас говорилось о мошенничестве, но я не увидела в этих механизмах ничего нового, потому что эти эмоциональные механизмы стары как мир, они эксплуатируются с античности, даже в риторике эмоция страха — это главная эмоция наряду с положительными эмоциями. Однако сегодня это имеет огромный масштаб и меняет нашу повседневную реальность. Те же самые ловушки становятся очень опасными и очень страшными, потому что количество тех, кто попался на эту удочку, можно просто невероятно масштабировать. Если говорить еще о положительных вещах, я бы сказала о том, что у нас появился доступ ко многим ранее недоступным для всех сферам, например, мы можем попасть в виртуальные музеи мира. Скажем, буквально летом мы были с белорусской делегацией в Третьяковке, и сотрудники предложили просто подписаться на виртуальные экскурсии новых экспозиций, что ребята из Белоруссии и сделали. Масштаб и доступность — вот это неосценимые, на мой взгляд, стороны виртуализации. И хотя Владимир Ильич сказал, что вроде бы она есть, эта виртуальная реальность, но ее как бы и нет, то она есть, то она — такая мерцающая, все сводится к тому, что она все-таки есть, даже несмотря на то, что она может в любой момент оборваться по каким-то техническим причинам. *Она вполне реальна, эта виртуальная реальность* — и мы в этом убеждены. Если же вновь говорить о темных проявлениях этой виртуальности, то нельзя не заметить, что сетевое общение протекает безжизненно, а в результате — масса конфликтных случаев...

Если человек общается виртуально, то, на мой взгляд, невероятно возрастает значимость эмоций, значимость знаковых систем, разрастание этих знаковых систем, то, что раньше можно было игнорировать, сегодня требует добавления новых знаков. Перевод мысли в электронный вид заставляет учитывать определенные интернет-фильтры, а они стро-

ятся таким образом, что, для того чтобы перенести реальное на монитор, для того чтобы передать интенцию говорящего, надо добавить огромное количество новых знаков. Это тоже важное дополнение. Ну и конечно, как человек, занимающийся текстами, это смерть автора в сетях, которая приобретает все больший и больший размах. Готовя работу, я вынуждена иначе формулировать мысли, хотя я себя же и цитирую, но тот же антиплагиат укажет на мои работы «с потерянным автором». Точно также я могу взять чью-то работу и не найти ни начала, ни конца. Получается, что виртуальная коммуникация становится достаточно ограниченной, почти анонимной, она становится очень небрежной в плане авторства, что меня это очень сильно волнует. И еще один момент. Мы в этом пока не живем, но я думаю, что это наше ближайшее будущее, это о понятии элементарности онлайн-общения в сравнении с виртуальным и цифровым. Если еще недавно мы сидели в сетях каждый день: если наш институт не в сети, то его как бы не существует — и из обычной реальности мы переходили в сетевую, то сейчас мы стремимся как можно больше оградить себя от этого вовлечения в бесконечный, виртуальный, круглосуточный цифровой мир, в котором ты везде должен участвовать. И умение выйти из него, оградить свое пространство — всё это считается элитарным, только элитарное образование качественно, только элитарная литература, научные тексты. Этот процесс намечен, мы видим его достаточно хорошо, и мы к нему придем.

Г.Г. Слышкин: Спасибо большое, Светлана Валентиновна! Вы очень технично отошли от предложенной Вам роли оптимиста. Давайте попытаемся кому-то другому предложить эту сложную роль. Наталья Александровна, Вы, я так понимаю, социальный оптимист, расскажите нам, что все-таки хорошего дает нам интернет-коммуникация и современные средства общения.

Н.А. Боженкова: Как человек, отсутствующий в социальных сетях, я хорошо ощутила то, чего я лишена (в двух смыслах) — в «хорошем прочтении», т.е. от чего я ограждена, но и в исконном своем понимании — то, чего я лишена. Поэтому вернусь к словам Владимира Ильича о трех плюсах и о трех минусах интернет-коммуникации. Мне кажется, Владимир Ильич не назвал одну важную составляющую интернет-пространства и, в определенной мере, типологическую характеристику интернет-коммуникации. Это развлекательность, которая, безусловно, проникла во все виды дискурса, и даже в самый (в широком смысле) «классический», стабильный, ритуализированный и невозможный, казалось бы, к изменению, дискурс религии. И даже

здесь, в религиозном дискурсе, воспроизведенном в интернет-пространстве, мы можем фиксировать включение несоответствующих «духу» религии иностранных слов и — шире — элементы геймификации, что прослеживается и в виртуальности (доходящей до сказочности), и в возможности игры (языковой и не только), и в возможности управлять этим пространством, и в возможности в любой момент, по желанию играющего автора, эту игру остановить. Здесь, с моей точки зрения, важно следующее. Я считаю, что это, бесспорно, реальность, и даже не мерцающая реальность, это реальность, которая абсолютно заместила все остальное. Если вспомнить, что язык — это действительность 2 по отношению к действительности 1, т.е. материальному, природному миру (иначе — созданное, «конвенционально вымышленное» и реальное), то интернет-пространство оказывается действительностью 3, которая существует, именно существует, по отношению и к действительности 1, и к действительности 2. Вопросы аутизма связаны как раз с этим, с социальным изменением психологического трактования эгоцентрической сущности человека. Мы понимаем, что *человеческое эго*, которое направлено всегда на (в психологическом понимании термина) — *ощущение себя в мире*, удобство себя в этом мире, нахождение какой-то ниши, заполнение собой этой ниши и «неотпускание» этой ниши дальше, это эго в пространстве, когда нами «завладел» Интернет, тоже изменилось. Почему мы с такой легкостью впустили эти устройства и допустили все эти изменения? То, что вы говорили, Владимир Ильич, что сейчас оборвется сигнал и мы окажемся вообще вне жизни, — это, безусловно, реальность для нас, мы так это ощущаем. Но дело в том, что нас устраивает это. Кто из нас сейчас знает номера телефона наизусть? Все зрелые люди, помним прекрасно — у многих дома и телефона-то не было, а номера своих близких знали все. Это было жизненно необходимо, а сейчас мы с такой легкостью переключаемся со значимых и знаковых моментов своей жизни на вспомогательные, мы с такой легкостью их от себя отталкиваем! Вот за мной гаджет номер 1, а вот за мной гаджет номер 2, третий, четвертый, пятый, а себя я освобожу — скажем, для игры, ведь так хочется вернуться в детство. Даже такие радикальные вещи, как мошенничество, это ведь тоже примеривание ролей, примеривание возможностей использования той детской стратегии. Понятно, что ни один мошенник — да, он хочет получить выгоду — точно не говорит о том, что совершает противоправное действие. Ты «купился» на его игру, ты захотел в эту игру вступить! А если не захотел, так положи трубку и не общайся (ну или «скинь нам деньги»). Все это есть и некий ответ на вопрос, который се-

годня совершенно справедливо задал Константин Валерьевич на секционном заседании, когда мы обсуждали парфюмизированный мир — парфюмерные продукты, косметические продукты: почему мы с такой легкостью «ведемся» на красивые этикетки, на, по большому счету, несодержательные компоненты? Именно потому, что мы внутри себя хотим в это сыграть. Хорошо это или плохо, я оценить не могу (это к реплике Геннадия Геннадьевича о интернет-пессимизме и оптимизме). В продолжение: как утверждают нейрофизиологи, последние исследования говорят о том, что у представителей поколения Z (это 2003 г. рождения и позже) изменилась проекция правой руки в коре головного мозга. Вы понимаете, что это значит для человека, когда первый палец, поддерживающий, «оттянул» на себя функцию второго пальца, указательного? А функция четвертого пальца «оттягивается» мизинцем, который раньше не выполнял эту роль. Причина очевидна — бесконечное «общение» с телефонами и др. Это и есть абсолютная реальность интернет-коммуникации. Вместе с тем мне кажется, что это наше внутреннее изменение, еще не «отфлексировано» в полной мере, хотя бы по той причине, что наукой занимаются зрелые люди, которые не видят этих изменений по отношению к самим себе. Вот когда в науку придет молодое поколение, совсем молодое сегодня, они смогут в полной мере оценить все плюсы и минусы. Возвращаясь к позитивным тенденциям, хочу закончить следующим образом. Как преподаватель я много общаюсь с молодыми людьми и всегда задаю вопрос: что вы прочитали на прошлой неделе / летом / на каникулах? И знаете, все больше и больше студентов поднимают руки. Понятно, что это провокационный вопрос, сказать можно все что угодно. Но следом я задаю вопрос: а в каком виде вы читали? В электронном или «живом», взяв книгу в руки? Их ответ — конечно, в «живом», по-другому же читать нельзя, говорят студенты! Добавляют: одно дело, когда ты к занятиям готовишься, а чтобы получить полное представление о произведении, чтение должно быть настоящим. И завершая свой долгий спич: ничто никогда в этом мире не бывает случайным (и новая реальность тоже!). Сегодня на секции выступала заведующая кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Лариса Алексеевна Чижова. Коллеги к юбилею Ю.В. Рождественского выпустили сборник статей. В своей работе Лариса Алексеевна обращается к концепции Юрия Владимировича о типологии текстов, которую он разрабатывал в 80-е гг. XX в., — время, когда мы ни о каких гаджетах и их использовании в коммуникации вообще не говорили. Типология включает шесть параме-

тров, которые систематизирует Лариса Алексеевна: типы отправителей, типы получателей, правила социального функционирования, а дальше — влияние фактора использования различных технологий, тип трансляции текста и главное — учет сферы ответственности. Про степень ответственности мы с вами сегодня сказали, а вот сфера ответственности за формирование коммуникативного акта со стороны адресата — вот к этому параметру любому автору, вероятно, нужно постоянно возвращаться. Отсюда, я предполагаю, Геннадий Геннадьевич, и вытекает Ваш прозвучавший ранее вопрос: чему учить, как учить, на что обращать внимание, потому что наша сфера требует высочайшей ответственности — и в тематическом отборе, и в коммуникативных стратегиях, и в употреблении социальных маркёров, и в «расстановке» аксиологических доминант. Именно над этим нужно работать, к осмыслению этого нужно идти, это в самих себе нужно «переструктурировать», тогда и реальность будет оптимистичной.

Г.Г. Слышкин: Сейчас ситуация изменилась. Обсудим федеральный закон, который все связывают с запретом на иностранные слова. Вчера я как раз прокомментировал этот закон в прессе: на мой взгляд, туда нужно внести то, что он запрещает журналистам комментировать законопроекты, не прочитав их. Кстати, Федеральный закон о языке, где норма, связанная с употреблением иностранных слов, есть. Однако есть гораздо более важные моменты для нас лингвистов — это ответственность государственных органов за составление и содержание электронных ресурсов, которые развивают и пропагандируют нормы русского языка. Создание государственной программы по созданию электронных ресурсов, если она будет, это действительно возможность выйти как отечественной лингвистике, так и русскоговорящему социуму на качественно новый уровень. Поэтому, неустанно взыскуя социального оптимизма, я собираюсь использовать свое право ведущего и спросить, а что же хорошего эта новая реальность дает лингвистам, какие инструменты мы получаем в свои жадные исследовательские руки. Павел Алексеевич, прошу Вас!

П. А. Катышев: Для меня все-таки Интернет — это в большей степени материал, та среда, которая нам дает пищу для размышлений и материал для работы. Итак, во-первых, да, должна быть у государства языковая политика, несомненно, и в общем-то попытка предотвратить какой-то поток бесконечных заимствований должна быть, но мне кажется, она не столь продуктивна, нежели та, которая была связана с поддержанием духа и вообще возможностей русского языка, те конституционные программы, касающиеся того, как передать это не только у нас в стране, но и

по всему миру. Мне кажется, это более важная составляющая, чем та, о которой постоянно думают депутаты, учитывая то, что они могут использовать такие слова, которые в дальнейшем просто невозможно анализировать, аналитически с ними работать. Тот же самый запрет мата и использование этого слова в законных актах уже создает целую проблему и для правоприменителя, и для его иска, поскольку, кажется, это не совсем термин. В этом случае, когда мы говорим о заимствованиях, которые, конечно же, проникают также и благодаря Интернету, поскольку его активные пользователи — это во многом люди мира, владеющие разными языками, открытые для разных новых событий, вещей, и естественно, не остановишь проявление себя через другие языки, их творческое переосмысление, использование. Я понимаю, что там речь идет, прежде всего, о русском языке как государственном, национальном, это всегда подразумевает некое культивирование, кодифицирование, в том числе и на законодательном уровне. Но тем не менее нередко благодаря журналистам эта информация приобретает некоторые зловещие очертания: что теперь будут бороться с заимствованиями, всем запрещать. Это иногда создает немного негативные эмоциональные вещи в обществе. И в этом плане языковая политика тоже должна быть соответствующая. Я помню прекрасно тот скандал, когда приводились словари — рекомендованные и нерекондованные, и потом была целая дискуссия — как так, все остальные нельзя использовать. Благодаря Интернету и журналистам эта информация была представлена в некотором искаженном виде. Это создает ненужные обсуждения в обществе.

Г.Г. Слышкин: Важнейший момент того самого федерального закона, о котором мы говорим, это еще и четкая прописанная в законе обязанность государственных органов привлекать специалистов, т.е. лингвистов, для проверки всех проектов нормативно-правовых актов на предмет соответствия нормам русского языка.

П.А. Катышев: Нет, здесь должны быть специалисты не чисто лингвисты, а специалисты, которые еще должны быть обучены. Они должны владеть корпусами, в которых соотносить, выстраивать те связи, основанные на других законах, устанавливать интертекстовые связи.

Г.Г. Слышкин: И психолингвисты, которые должны прогнозировать понимаемость, воспринимаемость и возможные побочные эффекты той или иной формулировки. Полностью с Вами согласен.

П.А. Катышев: Да, и этот элемент частичной или полной юридикации он в общем-то здесь имеет место. Мне кажется, любой закон или любой термин, входящий в этот закон как элемент естественного

языка, действительно живет естественной же жизнью, и это нужно понимать и корректировать эту систему, для того чтобы у авторов, находящихся в правовом поле, было по крайней мере одинаковое понимание сути вещей. Это, конечно, идеал, к которому нужно стремиться, и, наверное, говоря о правовом регулировании, мы об этом не должны забывать.

Р.Е. Тельпов: Если говорить об инструментах, то я не считаю их виртуальной реальностью, потому что даже *ZOOM*, даже *Skype* — это всего лишь средства связи, так же как и национальный корпус русского языка, какие-то программы, позволяющие быстро находить нужные слова — это всего лишь инструменты, я думаю, это не совсем связано с виртуальной реальностью. Это технические возможности, которые развиваются, которые позволяют делать некоторые вещи более быстро и более качественно. Прежде всего, конечно же более быстро, тратить меньше времени. В философском же аспекте это то, что возможность съемки любого акта, любого жеста, любого даже не специально сказанного слова и возможность его размещения приводят к техническому сдвигу, *кардинальной смене отношения к себе и к миру*. Но, с другой стороны, все на самом деле может оказаться фейком. И это уже другой виток: как показали последние события, возможности этого акта абсолютно безграничны, т.е. можно сделать все что угодно и все исследование можно подвергнуть сомнению. Что же касается отличия восприятия молодых и не очень, то можно сказать о последних событиях, о том, как виртуальная реальность меняет это восприятие. Молодые находят аналогии с историческими событиями, с компьютерной игрой, и эти аналогии очень странные, в какой-то степени даже пугающие. Порой наблюдается удивительное совпадение между виртуальной реальностью и нашей реальностью, оно, конечно, существует и обнаруживается представителями более молодого поколения, это тоже такое влияние виртуальной реальности, *смесь виртуальной и реальной реальности*, чем оно закончится, к чему приведет, пока неизвестно.

С.В. ИONOVA: Я добавлю. Если говорить о том, что это дает лингвистам в исследовании, можно это называть средством, а можно считать нашей отраженной речью, это языковой узус. Если раньше, чтобы овладеть всем полностью, нам нужно было либо проводить опрос, либо готовить карточки, прототипы, когда не знаешь, как считать, сбор материала для филолога превращался в длительный процесс, то сегодня это вполне можно сделать. Когда нужно было в рамках судебной экспертизы доказать, что выражение «ментовский беспредел» не является оскорбительным в адрес правоохранительных органов, по поисковым запросам я нашла огромное ко-

личество материалов, которые демонстрируют налицо актуальное выражение. Более того, на сайте МВД РФ был раздел, который был назван «ментовский беспредел»: там складывали какие-то негативные случаи своей жизни, и, если тогда такое доказательство не очень принималось, то сегодня и прокураторы, и суды вполне рассматривают такое доказательство.

Г.Г. Слышкин: Я согласен. Единственный момент: *Интернет — он открывает и закрывает* потворство в этом плане. Еще недавно Яндекс можно было использовать, по сути, как корпус. Сейчас я прекрасно знаю, что то, что будет выдано на мой поисковый запрос, это не то, что будет выдано другому человеку: это связано с тем, что я запрашивал раньше, с имеющейся информацией о том, что я покупаю на Яндекс.Маркете, и местами, которые я посещаю на Яндекс.Картах, и т.д. Эти прекрасные первоначальные возможности, открытые Интернетом, они постепенно закрываются. Я уже подчеркивал как оптимист, это прекраснотушние проходит, теперь мы начинаем ясно осознавать грядущие политические ситуации, теперь те привычные инструменты, которые мы воспринимали как расширение наших возможностей, это «Википедия» как неисчерпаемый источник информации, это «Ютьюб» как источник видеофайлов, они по большому счету не то чтобы не совсем наши, они совсем не наши. Впервые за много лет у меня опять появились примеры — как из давно ушедшего прошлого — такие как элемент манипуляции — манипуляция словарным обозначением. Я четко вижу, что в англоязычной «Википедии» и русскоязычной «Википедии» даются разные определения того или иного понятия, и идеологическая составляющая очень четко видна.

Л.М. Гончарова: Я бы хотела добавить в продолжение того, о чем говорила Светлана Валентиновна. Интернет нам сейчас показал *разделение социума по интересам*. Он настолько развел нас по тематическим группам, по предпочтительности тех или иных блогеров, по тематическим форумам, что, с одной стороны, мы действительно стали показывать, что у нас есть предпочтения, которые проявляются еще и в наших отзывах. Даже не будучи в соцсетях, отзывы мы пишем. Мы появляемся в тех или иных тематических группах, может быть, мы их читаем, эта поликомментарийность и полиинтерпретативность коммуникацию расширяет до невозможности. Это бесконечная коммуникация расширяется, расширяется до бесконечности как вселенная, пока не произойдет, наверное, какой-то взрыв сверхновой, пока не засосет всех в черную дыру. Это действительно может быть бесконечно, что приводит потом либо к конфликтам, либо, наоборот, к созданию какого-то

сообщества, где уже общаются единомышленники. А что для нас это дает? Для нас это дает очень много, это материал. Я веду социолингвистику и говорю студентам: надо же, лингвисты — страшные люди, умудряются собрать все, классифицировать и показать в концентрированном виде. Казалось бы, совершенно безобидное явление, скажем, какой-нибудь мамский язык — язык бэби-блогеров. Эти девушки, безобидные мамочки, на своих тематических форумах общаются, но, когда это все собирается, классифицируется и переосмысливается, ты понимаешь, что да, это уже языковое явление, это материал, материал для исследования, который мы уже фактически берем в концентрированном виде. Мне кажется, что это разделение социума. Сначала это было массмедиа, сначала телевидение, каждый смотрел свой канал, слушал радиостанции, которые ему нравятся, а сейчас к этому настолько активно присоединился Интернет, что мы уже знаем, что посмотреть, мы советуем друг другу то или иное в зависимости от наших пристрастий и интересов. И это наша жизнь.

И.В. Смирнова: Если мы говорим про образование новой лексики, то здесь Интернет нужно поблагодарить, потому что благодаря регулярному и активному общению пользователей в нем новая лексика продуцируется достаточно быстро и достаточно быстро распространяется. Благодарю коллегу за пас: возьмем пока еще выражение «я ж мать». Первоначально в сети Интернет появляется запрос публики на выражение пейоративных нарративов, связанных с матерью, не желающей выполнять свои функции относительно своего ребенка в общепринятом выражении и желающей оправдать свои действия статусом материнства. Для начала выражение существует исключительно в формате предложения, существует нарратив, с которым связывается данное выражение, затем появляется необходимость искать истории, связанные с материнством и способные отражать негативные категории этого явления и этого концепта. Таким образом выражение начинает приобретать новую функцию, функцию дескриптора или же хештега. Использовать хештег, в котором отображена будет исключительно лексема «мать», является невозможным, потому как в таком случае по поиску в Интернете будут выпадать истории, которые отражают все особенности этого явления: позитивные, негативные, вторичные с ним связанные — абсолютно все. Для того чтобы конкретизировать поиск нужно выражение, способное отвечать пейоративному запросу. Так, выражение «я ж мать» соединяется в лексему методом сращения, получается нетипичное для русского языка сращение из трех слов, более того, одна из этих частей, одна из частей этого дескриптора, этой лексемы, это частица-усилитель, что совершенно не-

свойственно нам. Частица-усилитель, которая существует для того, чтобы подсказать читателю, используемому дескриптору для поиска, что лексема выражает негативную эмоцию, подчеркивает ее.

Г.Г. Слышкин: А что дальше? Мы дошли до дескриптора и лексемы, а что происходит дальше?

И.В. Смирнова: Дальше происходит приобретение самостоятельной функции, самостоятельного значения и переход из состояния лексемы в состояние лексикализованного предложения, что еще более нетипично для русского языка. Мы можем встретить примеры лексикализованных предложений в английском языке, но для русского языка это нехарактерно. Что еще более важно, «я ж мать» становится источником для многочисленных дериватов, причем для дериватов как однокоренных — яжмачка, яжмачский и т.д., так и образованных по сходной модели, где меняется местоимение и меняется существительное в конце выражения.

О.И. Северская: *Виртуальная реальность* — хотим мы того или нет — *сегодня это наш второй дом*, после того как мир сузился до масштабов экрана смартфона, а его медиакартина заменила сам мир. Дигитализация — перевод всех видов информации — текстовой, аудиовизуальной в цифровую форму — сменилась цифровизацией — внедрением современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства. На первом этапе мы ходили в Интернет как в библиотеку, а сайты читали как книги, на втором мы столкнулись с тем, что цифровая система может действовать независимо и сама обладает аналитическими и прогностическими функциями, т.е. она может делать выбор за человека. Нельзя не заметить, что на язык и коммуникацию цифровизация влияет весьма существенно. Во-первых, меняется само понимание коммуникации: если в конце XX в. коммуникация определялась как общение — от латинского *communicatio* ‘делаю общим, связываю’ (цитирую лингвистический энциклопедический словарь 1990 г. под редакцией В.Н. Ярцевой), то в начале XXI в. она становится передачей информации и в этом смысле выделяются уже другие компоненты значения — ‘передаю, сообщаю’ (цитирую словарь методических терминов Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина, это 2009 г.). И потери в коммуникации при переходе от общения к передаче информации тоже ощутимы: кванты информации передаются, а вот связь и связность, а вместе с ними и адекватное понимание порой теряются. Привычка общаться друг с другом по ватсапу, по переписке порождает не только гибридную письменную разговорность, но и проблемы с аудированием: все труднее нашим современникам воспринимать информацию на слух. Общение имеет сегодня модульный, шаблонный характер: все, что

выходит за рамки шаблона, может поставить собеседника в тупик. Например, если вы закажете черный кофе, вас спросят, нужно ли добавить сливок или молока, заказывая столик в кафе на троих, вы почти наверняка услышите вопрос: а сколько вас будет? Возникает и тенденция к свертыванию речи, не только за счет пропуска знаков препинания, пробелов, гласных, использования аббревиатур, но и за счет выбора среди синонимов слов с меньшим количеством букв и меньшим набором сем значений — это следствие перехода от текста к текстингу. Пример: абсолютно все, о чем сегодня идет речь, можно заменить словом «история», в ходу слова-стикеры, обозначающие семантические классы и заменяющие целые синонимические ряды, из-за чего пропадают нюансы и регистры смыслов, например все вопросы у нас сегодня — *тяжелые*, а люди — *великие*. Шестисмайловый набор знаков эмоций дополнился пятисмайловым набором знаков вежливости: *здравствуйте, до свидания, можно, пожалуйста, спасибо, извините* — достаточно этих слов, обещают интернет-коучи, чтобы пришли успех, богатство и процветание. Активные ссылки и хештеги усиливают тенденцию к аналитизму. В соцсетях молодой человек пишет, что он в отношениях с *@alina_koshechka*, а девушка принимает предложение руки и сердца от *@moy_geroy*. На улице уже довольно часто можно услышать, что кто-то делает покупки в «*Перекресток*», кто-то едет в аэропорт не на такси, а на *аэроэкспресс*. Наконец, популярная качественная газета пишет сегодня о не слишком корректных словах польского премьера *Анджея Дуды*, хотя по закону о русском языке как государственном обязана соблюдать норму и цитировать *Анджея Дуду*. В пору слова песни менять: *Стою на полустаночек, в цветастом полущалочек...* Мозг работает, как Т9: делает предиктивный выбор из активного словаря по первым звукам слов. Так появляется *альбатрос* вместо *альбиноса*, *ветеринар* вместо *ветерана*, *инцест* вместо *инцидента*, *олень* вместо *Олег*, и люди ничтоже сумняшеся пишут *эпиляционные жалобы* вместо *апелляции*. И самое главное: цифровизация, переход в виртуальность очень меняют восприятие другого. Увы, сегодня адресат для адресанта часто виртуальный персонаж, нечто вроде покемона или тамагочи, которого в случае опасности или летального исхода можно перезапустить. Себя же адресат ощущает человеком во плоти и потому отвечает повышенной эмоциональностью и обидчивостью на своем полюсе при смене коммуникативных ролей. В общем, есть, коллеги, о чем подумать и что обсудить.

Д.А. Дацко: Я до сих пор не определилась, на какой стороне я: против или за, потому что в принципе я — *по обе стороны баррикад*, преподаю и по-

лучаю образование: я учусь заочно, полностью дистанционно, т.е., будучи студентом, я ни разу не посетила учебное заведение вживую, все делается исключительно дистанционно. С одной стороны, это удобно, потому что не нужно тратить время на дорогу. С другой — если рассматривать насколько образование действительно качественное — как мое первое, я бы не сказала, что я слишком довольна. Но нужно развиваться глобально, и в таком случае, да, это хорошая возможность. Как лингвист отмечу технические возможности. Это, конечно, онлайн-словари. Еще один интересный момент для лингвиста — очень удобно найти носителя языка, в любой точке мира, если тебе нужно пообщаться или что-то проверить, легко найти собеседников и коллег из других стран. Это второй плюс. Третий момент заключается в том, что какая бы коммуникация ни была, в современном мире она протекает виртуально, и вот здесь отмечается, скорее, деградация общения. Конечно, много возможностей — можно встречаться виртуально, учиться виртуально. Но в конце круглого стола я все-таки понимаю: гораздо приятнее общаться вживую. Как говорят переводчики, нам нужно соблюдать *eye contact* — зрительный контакт при восприятии, но, когда ты общаешься только в соцсетях, не включая камеру и вообще не видишь, есть там кто или нет, это тяжело. Поэтому, наверное, интернет-коммуникация в какой-то степени это и благо, и изъян.

Итоги и выводы

М.С. Милованова: Когда я формулировала проблему нашего круглого стола, я просто обозначила оппозицию, которая бы организовала дискуссию. А сейчас, *наблюдая за наблюдателями*, поняла для себя, что современная реальность — это чрезвычайно разнообразная, *множественная реальность*. Я не пессимист и я не оптимист в этом вопросе, скорее, реалист, *т.е. человек, наблюдающий за реальностью во всём её многообразии и изучающий её*. Мы так воспринимаем действительность, но главное — мы ее

исследуем. Для нас как лингвистов, сейчас очень много пищи, для наблюдений, размышлений, для *упорядочивания*, как сказала Любовь Марковна, для осмысления *интертекстовых*, по определению Павла Алексеевича, связей, которыми пронизана наша жизнь — реальная и виртуальная.

П.А. Катышев: Реальность не упрощается, наоборот, усложняется, потому что мы сталкиваемся с проблемой выбора.

М.С. Милованова: Согласна. Да, проблема выбора, и мысли о ценностях и оценках непосредственно связаны с этой проблемой. Мы говорим, что всё быстро меняется, но можно надеяться на лучшее. На самом деле нужна перегруппировка самих носителей ценностных установок: тот, кто воспринимает Интернет как инструмент, — это один ценностный взгляд и совсем другой — тот, кто воспринимает как развлечение или самоутверждение. Я за то, чтобы мы с вами формировали сообщество единомышленников, воспринимающих Интернет как инструмент. Разумеется, то, что сейчас происходит, та *смена времен* — это и есть *смена моделей сознания и формирования актуальных ценностных ориентиров, комбинаторных, по своей сути*. В моем представлении это так. И значит, мы с вами в этом смысле абсолютные оптимисты: мы живем, наблюдаем, изучаем и обобщаем факты языка — и ищем единомышленников. Как любой факт, любое событие, мы воспринимаем виртуальную действительность и оцениваем с разных сторон. Сейчас нас объединяют переживания, связанные с тем, что Интернет — это перспектива нашего общения и нашей жизни, но подобные встречи за круглым столом являются в своем роде навигаторами в осмыслении фактов *реальной виртуальной действительности*. На мой взгляд, все мы можем двигаться дальше — и быть в дальнейшем поиске актуальных *аксиологических решений*.

Коллеги, спасибо за со-участие — и до встречи на новой конференции, посвященной проблемам современной аксиосферы с позиций исследователей языка и коммуникации.

Информация об участниках круглого стола

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Гончарова Любовь Марковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Дацко Дарья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Западного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Калининград).

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русско-

го языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Катышев Павел Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Киуру Константин Валерьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор факультета журналистики Челябинского государственного университета, профессор Европейского института PR (*IEERP, Paris, France*), член Союза журналистов РФ (г. Челябинск).

Малыгина Лидия Евгеньевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», профессор Высшей школы (факультета) телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Милованова Мария Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Северская Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, Ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Слышкин Геннадий Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Смирнова Ирина Валерьевна, старший преподаватель Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, эксперт научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Тельпов Роман Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.